

Белорусова С.Ю.

Нагайбаки на перекрестке православных и мусульманских миссий

С.Ю. Белорусова

Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-31-01078 «Коренные малочисленные народы (манси и нагайбаки) в этномозаике Урала»

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния деятельности православных и мусульманских миссионеров (середина XIX – нач. XX вв.) на последующую идентичность нагайбаков. При конструировании проповедниками религиозного самосознания у нагайбаков сложилось особенное понимание себя и своей веры. Северная группа, не испытывавшая на себе значительного влияния миссионеров обеих религий, сегодня считается формально православной. Благодаря успешным действиям поборников ислама, южная группа поменяла не только свои религиозные мировоззрения, но и этническую идентичность. Наконец, центральная группа, испытывавшая влияние со стороны православных миссионеров, укрепила не только свою религиозность, но и этническое самосознание.

Ключевые слова: нагайбаки, миссионеры, православие, Оренбургский епархиальный комитет, мусульмане, религиозное соперничество, инородцы, крещение, татары

Этноотличительными характеристиками нагайбаков являются православная вера, татарский язык и принадлежность к казачеству¹. С момента основания Нагайбакской крепости в Оренбургской губернии туда стали заселять вновь прибывших крещённых инородцев Южного Урала. С 1740-х гг. крепость стала центром крещения Оренбуржья: там учредили отделение Казанской новокрещенской конторы, которая могла беспрепятственно осуществлять массовые крещения среди инородцев. За время её работы в состав Нагайбакской крепости принимали как «магометан» – татар, башкир, тептярей, киргизов, так и «идолопоклонников» – черемисов, мордву и чувашей. Все жители получали новое название – «новокрещённые».

После Пугачевского восстания Нагайбакская крепость постепенно начала терять своё влияние как стратегический, военный, религиозный и административный центр. Новокрещенская контора была закрыта, масштаб крещений среди инородцев существенно уменьшился. Продолжение колонизационной политики Российской империи в начале XIX в. повлекло за собой необходимость строительства новых казачьих укрепленных поселений по направлению от г. Орска до ст. Березовской, находящейся по Уйской линии. Переселенцами были казаки из крепостей и станиц Оренбургской губернии, в том числе из Нагайбакской и Бакалинской станиц с прилегающими к ним деревнями.

В 1842 г. нагайбакские казаки в количестве 1 781 человека² со своими семьями были переселены в три района Оренбургской губернии и образовали три разные группы, каждую из которых ожидала собственная судьба. Большинство новокрещен-казачков были отправлены на Новую линию в числе 1 250 душ мужского пола. В Верхнеуральском уезде они основали пять посёлков – Кассель, Остроленский, Фершампенуаз, Париж и Требия. Северная группа казаков-нагайбаков в количестве 500 душ была переселена в Троицкий уезд в ст. Верхнеуельская (Варламово), пос. Ключевский (Лягушино), Попово, Болотово и Краснокаменка. Эти сёла и деревни

к тому времени были заселены русскими крестьянами, которые не желали переходить в казачье сословие, поэтому в те земли привлекали казачество из других уездов Оренбургской губернии. Наконец, южную группу в составе нескольких десятков семей нагайбаков направили в пос. Нежинка, Гирьял и Алабайтал Оренбургского уезда, пос. Подгорный и ст. Ильинская Орского уезда. Эти населённые пункты находились на приграничной дороге от Оренбурга к Орску, поэтому переселение нагайбаков было связано с необходимостью военного усиления стратегического пространства.

Название «нагайбаки» закрепилось за группой новокрещен только после переселения 1842 г.; по свидетельству современников, «нагайбаки и бакалинцы по документам 30-х гг. нынешнего [XVIII – С.Б.] столетия известны почему-то под названием именно новокрещёных»³. Уже в 1854 г. нагайбаки фигурировали под своим самоназванием, и Оренбургская духовная консистория интересовалась их историей и происхождением⁴.

Православные и мусульманские проповедники в соперничестве за религиозную идентичность нагайбаков

После переселения нагайбаки были открыты разным религиозным влияниям: мусульмане видели возможность склонить нагайбаков в ислам, в то время как христиане опасались их ухода из православия. В этом смысле показателен обряд вызывания дождя среди жителей пос. Парижа, зафиксированный в начале XX в.: «Ногайбаки Парижского посёлка, озабоченные засухой в летнее время, обратились к священнику с просьбой – отслужить в поле молебен для испрошения дождя, что священником немедленно было исполнено. Дождя не последовало. Тогда они, по совету муллы, отправились на могилу какого-то татарина, слывшего между мусульманами за святого, и совершили здесь моление. Случайно с того дня полились обильные дожди, а двоеверные парижане воздвигли на могиле мусульманина в благодарность что-то вроде памятника»⁵.

На первых порах религиозность нагайбаков не привлекала пристального внимания православных миссионеров: «Священники только изредка могли посещать ногайбакские посёлки и, стараясь утвердить свою паству в христианстве, главное внимание обращали на внешность: чтобы имели кресты на груди, исполняли требы и т. п.»⁶. По мнению современников, священники не заботились о религиозном воспитании нагайбаков и даже препятствовали их интересу: «Для нагайбака не было труднее обязанностей в жизни, как побывать с каким-либо делом у священника». Так, во время свадьбы самым «сложным» было «“пуп бетереу”, в буквальном переводе, “покончить с попом”, т. е. разделаться за труды и исполнить необходимые предбрачные формальности».

Активизация православных деятелей в отношении нагайбаков произошла после основания Оренбургского епархиального комитета в 1874 г. В отличие от аналогичных комитетов, созданных в других российских епархиях, его деятельность была сосредоточена на «утверждении в православной вере местных инородцев». Эта организация была ориентирована на «противомусульманскую» деятельность православных священников среди инородцев Оренбургского края⁷.

С конца 1880-х гг. Оренбургский епархиальный комитет сосредоточил своё внимание на противодействии «мусульманской пропаганде» среди нагайбаков. Священник Меркурьев объяснял возможность их перехода в ислам «постоянными сношениями... с киргизами, башкирами и другими магометанами, которые, видя шаткость их в деле веры, часто ведут с ними религиозные беседы и следуют из указания на мнимое превосходство магометанской веры над христианской»⁸.

По сведениям Оренбургского епархиального комитета, Третья «кишела татарами», которые последовательно склоняли нагайбаков к переходу в мусульманскую веру. Эта инициатива исходила от лидера третьятцев – золотопромышленника татарина Рамеева. Основную массу его рабочих составляли татары, в том числе «учёные муллы», которые «посредством простых житейских сношений вели фанатическую пропаганду среди нагайбаков»⁹. Священники отмечали, что «третьятские нагайбаки большую половину года проводят на заработках на этих приисках под сильным влиянием мусульманского учения и в материальной зависимости от магометан»¹⁰.

Препятствуя смене религиозных воззрений тробиятцев, миссионеры решили сделать там отдельный приход: в Тробию был назначен священник родом из парижских нагайбаков – казак Алексей Батраев¹¹. Однако вскоре он был заменён на русского проповедника, с пояснением, что «русским священникам ногайбаки оказывают почтение». Впрочем, и эта замена не оправдала себя, поскольку действия русского священника «по отношению к прихожанам носили характер начальственного режима, а не пастырского назидания и научения», в связи с чем тробиятцы стали «исполнять требы, но делали это формально, из боязни подвергнуться ответственности за непослушание»¹².

Тем временем, по словам православных священников, мусульмане препятствовали деятельности церкви: «Чтобы отвлечь православных от посещения храма, Рамеевы производят расчёты рабочим по воскресеньям, именно в то время, когда в храме совершается богослужение». Кроме того, во время богослужения «на приисках бывает базар, который после обедни переносится в самый посёлок»¹³. После того как Рамеев открыл русский класс для детей рабочих на приисках, священник пос. Троби Сафронов попросился преподавать там Закон Божий, на что «Рамеев с насмешкой заметил: “Вы, батюшка, можете посещать школу, но только не в рясе, а в пиджаке”»¹⁴.

Важным событием как для конфессионального выбора нагайбаков, так и для работы миссионеров Оренбургского епархиального комитета стало принятие «Высочайшего указа об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., по которому «лица, числящиеся православными, но в действительности исповедующие ту нехристианскую веру <...> подлежат по желанию их исключению из числа православных».

Этим указом незамедлительно воспользовались лидеры нагайбакских общин. В ст. Ильинской в 1906 г. первыми подали прошение «на исключение из числа православных» урядники Степан Тимофеев и Василий Пахомов со своими семьями. В прошении на имя губернатора Оренбургской губернии они утверждали, что их называют «отступниками от православия... а они никогда православными не были, и исповедовали мусульманскую религию»¹⁵. Несмотря на попытки руководства отговорить урядников от перехода (к этому был подключён священник станицы Н. Мордвов), они «своего намерения о переходе в мусульманство со своими семьями не оставили»¹⁶. В итоге почти через год после прошения было выдано разрешение об исключении Тимофеева и Пахомова «из православных метрических списков»¹⁷.

Следуя примеру своих лидеров, в 1906 г. 9 из 14 нагайбакских семейств ст. Ильинская открыто перешли в мусульманскую религию. Судя по всему, это было неожиданностью для православных миссионеров, поскольку ещё в 1905 г. они писали, что «между Ильинскими ногайбаками пока незаметно движения к отпадению от православия»¹⁸. Попытки разговоров с перешедшими в ислам нагайбаками станицы не увенчались успехом: «Когда священник Мордвов узнал об этом, то решил собрать их в школу и побеседовать с ними о вере. Отпавшие сначала упорно отказывались идти в школу, затем по настоянию атамана станицы собрались, но отказались слушать беседу священника, а только поспорили с ним о том, что имел ли священник право беспокоить и отрывать их от дела, затем разошлись по домам»¹⁹.

История подачи прошения на «исключение из числа православных» со стороны урядника Леонтия Уряшева является самой известной легендой среди нынешних жителей пос. Нежинка. По их рассказам, Уряшев ездил на приём в Петербург к Николаю II, который в благодушной беседе разрешил уряднику переход в мусульманскую веру. Вслед за Уряшевым от православия «в 1905 году отпало 32 семейства, в 1906 году 5 семейств, и осталось в православии только 5 семейств». Как и ст. Ильинская, пос. Нежинский прежде не считался в числе «уклоняющихся от православия», поскольку в посёлке не проживало значительного количества татарского населения и внешне некому было оказывать влияние на нагайбаков. Желая разобраться в мотивах, побудивших нежинских нагайбаков к переходу в мусульманскую веру, миссионеры выяснили, что «в первых числах июня месяца в Нежинский посёлок приезжали оренбургские купцы Рахимовы, собирали более влиятельных ногайбаков, три дня угощали их, убеждая к отпадению от православия в магометанство»²⁰.

После указа «О веротерпимости» православные миссионеры с ещё большим энтузиазмом стали работать в нагайбакских посёлках. Тон отчётов в отношении деятельности соперников-мусульман стал более жёстким. Православные обвиняли их в том, что «принудительными и соблазнительными мерами магометане стараются совращать инородцев в ислам»²¹. Проповедники-христиане создавали негативный образ мусульман: они рассказывали, что на базаре, организованном татарами в Требии, творятся «празднество-гулянье, пьянство, драка и т. п. безобразия»²².

В попытках объяснения успехов мусульманских проповедников православные миссионеры на первый план выдвигали материальное поощрение для перешедших в ислам нагайбаков: «Оренбургские купцы – татары каждую пятницу приезжали в посёлок Неженский с богатыми подарками и угощениями для нагайбаков. Купцы Рамеевы, Рахимовы и другие содержат на свой счёт школу для детей отпавших нагайбаков. Татары Сеитовского посада устроили общую подписку в пользу отпавших нагайбаков и намерены собрать для каждого семейства по сотне рублей. Один татарин того же посада вырыл колодец для нагайбаков»²³.

Проповедники сетовали, что «ни одного татарского праздника (пятницы) не проходило, чтобы не были посылаемы целые воза разных подарков для Нежинских нагайбаков»²⁴. В другом отчёте православные писали, что «нежинский нагайбак Никитин, имеющий в своей семье по восемь душ, получил от [мусульманского] братства сто шестьдесят руб. и построил себе дом». На золотых приисках в Требии «ногайбакам, более склонным к магометанству, Рамеевы дают лучшие заработки и отводят лучшие полянки, т. е. участки земли, где можно добыть больше золота»²⁵.

Между тем православные священники тоже пытались материально мотивировать «интерес» нагайбаков к православию: о Крамаренко из пос. Нежинка «выпрашивал пособия беднейшим нагайбакам у Епархиального миссионерского комитета и у Совета Михаило-Архенгельского Братства, но эти пособия оказались ничтожными в сравнении с тем, что получили нагайбаки от татар»²⁶. По мнению священников, на симпатии нагайбаков пос. Подгорного к исламской вере могло повлиять то, что он «находится на большом тракте от г. Орска к Оренбургу, каждый нагайбакский дом представляет из себя постоянный двор, где исключительно останавливаются одни только магометане, которые находят у нагайбаков все удобства для исполнения своих религиозных обрядов». Там мусульмане «в зимние долгие вечера между житейскими разговорами заводят беседы о религии и стараются внушить нагайбакам, что ислам есть единственная спасительная вера»²⁷.

Большую роль в религиозном определении нагайбаков сыграли лидеры их сообщества. Так, в ст. Ильинской «сильное влияние в пользу магометанства оказывало на них отпавшие три брата Толмачевых, обучившиеся арабской грамоте»²⁸. В Требии переход в мусульманскую веру зажиточного рода Танаевых значительно повлиял на местных жителей. В пос. Нежинском лидеры – зажиточные нагайбаки – сыграли основную роль в религиозном выборе своей общины: «Главными агитаторами из нежинских нагайбаков являются урядник Леонтий Уряшев и казак Кузьма Андреев, они ходили по домам нагайбаков, уговаривали последних к отпадению и собирали подписи к прошению о принятии их в мусульманское общество»²⁹.

Позиция большинства была решающей в деле перехода в мусульманскую религию. Миссионеры жаловались на ситуацию в ст. Ильинской: «Если православные нагайбаки начнут ходить в церковь, то окружающие их отпавшие нагайбаки и татары начинают их ненавидеть, поднимают их на смех и всеми возможными мерами стараются притеснять их в своём кругу»³⁰. Миссионеры в пос. Нежинском понимали, что «нежинские нагайбаки между собою в близком родстве, как бы составляют одну семью». Те, кто придерживался христианской религии, «в настоящее время терпят от своих отпавших родственников упрёки и насмешки»³¹. На «увещевания» батюшки пос. Нежинский нагайбаки отвечали: «Я, батюшка, <...> спорить с вами не могу. Все наши нагайбаки переходят в магометанство, а если я один останусь в православии, то все прочие сделаются моими врагами и житья мне не дадут»³².

Нагайбаки пос. Подгорный проживали среди русского населения и, как и в случае с нагайбаками пос. Нежинский, первоначально как будто не проявляли склонности к переходу в ислам. Однако у многих жителей пос. Подгорный были

родственники в соседней ст. Ильинской (на расстоянии 19 вёрст), которые оказывали влияние на нагайбаков из Подгорного³³. В 1908–1909 гг. в ислам перешли 25 нагайбаков из 35, проживающих в посёлке³⁴. Миссионеры называли приход пос. Подгорный «беднейшим», хотя и выделяли на его нужды некоторые ресурсы.

Драматические события развернулись в доме нежинских нагайбаков Никитиных: «В первых числах августа месяца ногайбачка Мария Никитина завела полемическую беседу со своим сыном, учеником Богодуховской миссионерской школы. Когда сын начал приводить ей доводы о том, что Магомета нельзя признавать пророком, что он был обыкновенный грешный человек и что магометане в своих молитвах просят Бога о помиловании Магомета, – мать бросилась бить сына, который вынужден был бежать из дома и явился домой тогда, когда мать уже несколько успокоилась»³⁵.

Впоследствии непримиримость Марии Никитиной ещё не раз упоминалась в отчётах православных миссионеров. Она «много раз побоями заставляла отречься от православия своего сына Венедикта, 16 л., но когда тот упорно отказывался, то ночью выгнала его из дома», в конце концов, тот «изъявил согласие перейти в магометанство». Однако другой её сын, Алексей, который работал псаломщиком в нежинском приходе, так и не перешёл в ислам, на что Никитина «угрожала ему отравлением»³⁶.

Православные миссионеры распространяли поучительные истории, которые могли бы повлиять на самосознание нагайбаков, исповедующих ислам. По их сообщению, «сильное впечатление произвёл на отпавших» старик Павлов, который на смертном одре отрёкся от мусульманской веры: «Старик Павлов говорит: “эх, напрасно я отпал от православия, сейчас приходили ко мне мои родители (уже покойные) с зажжёнными церковными свечами в руках и стали меня укорять, что я не послушался их, отпал от православия”... Отпавшие говорят ему: “бред с тобою, – ты сам не знаешь, что говоришь”. А он отвечает: “никакого бреда со мной нет, я в полном сознании, знаю, что говорю, уходите от меня и дайте мне спокойнее умереть”. Затем, немножко погодя, прибавил: “кто знает меня и хочет слушаться моего совета, пусть не переходит в магометанство”»³⁷.

В риторике православных священнослужителей речь шла об отколе нагайбаков от христианства. Однако известно, что часть предков нагайбаков исповедовала мусульманскую веру до своего крещения, поэтому для них обращение в ислам было возвращением к прежней религии.

Православные и мусульманские миссионеры стали соперниками за религиозную принадлежность нагайбаков после указа «О началах веротерпимости». В пос. Нежинском за 1906–1907 гг. была построена мечеть, и сформировался отдельный мусульманский приход. Строительство церкви Михаила Архистратига в 1910 г. в том же посёлке стало ответом православных деятелей на возрастающее влияние мусульман. Тем не менее, православным редко удавалось вернуть нагайбаков-мусульман к христианской вере. К примеру, для них было «радостным признаком», что за 1911 г. к православию пришло «семейство казака Михаила Уряшева, состоящее из девяти душ»³⁸, однако и эти случаи были редкостью. Православным миссионерам так и не удалось «спасти от влияния магометанского» отпавших нагайбаков – все посёлки южной группы перешли в ислам. В Требии вскоре прекратилось влияние как мусульман, так и православных, и сегодня жители не могут сказать чётко о своей религиозной принадлежности. Во многом миссионерское соперничество предопределило отход тревбиятцев от православия, а впоследствии, от нагайбакской этничности.

Судя по всему, северная группа нагайбаков особенно не испытала влияния со стороны мусульман. Однако на волне массового перехода нагайбаков южной группы и пос. Требии священники проявляли чрезвычайную бдительность насчёт работы мусульманских проповедников. В 1909 г. миссионеры писали, что «магометанская пропаганда усилилась среди ногайбаков и Троицкого уезда». По их сообщению, татары г. Троицка посылали «торговцев-разнощиков, которые ходят по домам для продажи товара и в то же время раздают ногайбакам формы прошений об исключении ногайбаков из числа православных»³⁹. Оказалось, что «мусульманская пропаганда» среди нагайбаков северной группы была сильным преувеличением со стороны

священников, при этом «сами нагайбаки недоумевают, откуда распространяются слухи о пропаганде среди них мухамеддан»⁴⁰.

Несмотря на «утрату» Трехбии как православного посёлка, миссионерам в целом удалось успешно осуществить свою деятельность среди нагайбаков центральной группы: «Вместе с печальным явлением отрадный факт, что такие же нагайбаки Верхнеуральского уезда, находясь под руководством и бдительным смотрением своих пастырей миссионеров... преуспевают в вере и благочестии»⁴¹. Миссионерская работа среди нагайбаков центральной группы была наиболее активной и эффективной в сравнении с северной и южной. Если в 1880-е гг. священники отмечали исполнение мусульманских и языческих обрядов, то в 1900-е гг. они были «оставлены» нагайбаками. Важными шагами к упрочению православия среди них было приглашение в нагайбакские посёлки авторитетных учителей и священников, которые пользовались уважением у верхушки центральной группы нагайбаков. Во время посещения нагайбакских посёлков заведующим Центральной крещёно-татарской школы Василия Тимофеева, к нему обратились наиболее авторитетные нагайбаки пос. Остроленский со словами благодарности за проделанную работу: «Они в беседе со мной благодарили всех казанских деятелей по части переводов вероучительных и богослужебных книг с русского и славянского языков... Переводы эти, говорили они, открыли нагайбакам глаза: малолетние и взрослые, даже пожилые увидели свет Божий, просвещающий всех. Истинно то, что теперь нагайбаки стали разумно веровать в И. Христа»⁴².

По словам современников, благодаря работе миссионеров «нагайбаки толпами идут в церковь и прежняя, отображавшаяся скука на их лицах во время богослужения, заменилась теперь слезой умиления»⁴³. Миссионеры в свою очередь не только приобщали нагайбаков к вере, но и подчёркивали независимость нагайбакской культуры от татар и ислама.

Оставшиеся нагайбаками: северная и центральная группы

В советское время почти все церкви нагайбаков были разрушены. Однако православная культура, которая стала определяющим фактором в становлении этничности нагайбаков, продолжала занимать важное место в их жизни. Те, кто испытал на себе влияние миссионерской школы и церкви, хранили православие как святыню. Одна из старейших жителей пос. Кассельского, 91-летняя Акулина Тихонова, рассказала, что она ходила крестить свою дочь пешком до пос. Верхнеуральска (расстояние между посёлками 25 километров). В ней до сих пор живёт ощущение, что исключительностью нагайбака является его христианская вера: «Нагайбак – только православный, а остальные – по степям бегают»⁴⁴.

Представители северной и центральной групп считают, что нагайбаку не обязательно придерживаться всех православных обрядов, гораздо важнее самоощущение приверженности православию. Вопрос, может ли нагайбак придерживаться другой, а не православной веры, вызывает недоумение. Татьяна из пос. Париж ответила: «Я даже не могу себе этого представить», Надежда Фирсова из пос. Фершампенуаз сказала: «А как, если мы православные?», Григорий Ишменев (пос. Фершампенуаз): «Не было таких случаев»⁴⁵. При этом, согласно опросу, среди нагайбаков много тех, кто не крещён или никогда не был в церкви, однако все считают себя православными. В понимании нагайбаков соблюдение церковных обрядов и приверженность православной вере – не одно и то же.

У нагайбаков сформировалось собственное понимание православной веры, в которую вошли элементы дохристианской культуры. Например, они проводят поминальный обряд Аш биру, который сопровождается закланием жертвенного животного в честь умершего родственника. Верующие нагайбаки не видят противоречий в сочетании православных обрядов и традиционных культов. Ритуалы, связанные с духом предков, вписаны в их православную культуру. Некоторые, в частности церковные деятели, считают проведение подобных «языческих» обрядов неприемлемым для христианина. На возможность «искоренить язычество» из своей культуры жительница пос. Кассельский Анна Артемьева отреагировала так: «Не надо ничего убирать. Одно уберёшь – и народ уберёшь»⁴⁶. Нагайбаки спрашивают совета

у батюшки, как совершать те или иные православные обряды дома (в основном это касается поминовений и похорон). Однако мнения настоятелей имеют скорее характер совета, поскольку традиция и мнение старейшин являются первостепенными в обычаях нагайбаков.

Среди жителей северной группы можно отметить индифферентное отношение к религии и обрядам. Возможно, это вызвано тем, что православные проповедники не проводили столь масштабных мероприятий среди троицких нагайбаков, как это осуществлялось в центральной и южной группах. Большинство нагайбаков северной группы считает себя «православными, но не религиозными». Некоторые, в том числе пожилые люди, выросшие при советской власти, признаются, что «не верят в бога» и считают себя атеистами.

Нагайбаки центральной группы относятся с особым почитанием к православным праздникам и обычаям. Согласно анкетированию, большинство нагайбаков считает главным праздником в году Пасху (44,2 %). Кроме того, нагайбаки указали самыми значимыми праздниками Рождество (27,3 %), Покров (15,6 %) и Троицу (10,4 %). При этом соседнее русское население Южного Урала ниже оценивает значимость православных праздников: согласно опросу, для них главным является светский Новый год (45,6 %) ⁴⁷. Сегодня в нагайбакских сёлах действует один храм (пос. Фершампенуаз), названный в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Другие нагайбакские посёлки центральной группы имеют собственные молельные комнаты, в которых, как минимум, раз в неделю совершается служба. В настоящее время на средства местных жителей строятся церкви в пос. Париж и пос. Остроленский.

Ушедшие в ислам: южная группа нагайбаков

Смена религиозной принадлежности среди нагайбаков южной группы повлекла за собой изменение этничности – сегодня потомки нагайбаков называют себя татарами. Они негативно высказываются о прошлой деятельности Оренбургского епархиального общества, отрицают свою связь с нагайбаками и считают себя потомками крещёных татар, которых «насильно держали» в православной вере. «Их ногой гнали в Урал, чтобы они насильно приняли христианскую веру, нежелающих рубили на месте, поэтому вся река была в крови», – рассказал житель пос. Подгорный Хапулла Гафуров. Старожилы с. Ильинка считают, что своими действиями «православные крестители выступали против бога».

Для нынешних татар пос. Нежинка, с. Ильинка и пос. Подгорного слово «нугайбек» ассоциируется с православием, поэтому на вопрос, кто такие нагайбаки, местные жители отвечают, что это «крещёные». Они признают, что их предками были крещёные татары, но говорят о них в третьем лице и отделяют от себя. Татарка Галина Степанова рассказала, что «Они [предки – С.Б.] клеймо получили крещёные, а жили истинно казанскими традициями». К. Биктева-Актемирова рассказала, что её предков «нугайбеки к себе притягивали, но те нугайбеками быть не хотели».

Судя по всему, название «нагайбак» в отношении крещёных татар южной группы использовалось со стороны властей и церковных деятелей. Словом «нагайбак» местные жители себя почти не именовали, и воспринимали его как прозвище, и сегодня оно употребляется либо в насмешливом, либо в отрицательном смысле. Фания Ахматова из пос. Нежинка вспоминает: «Мы все друг друга называли татарами, слова «нагайбак» не было. Оно казалось оскорбительным, потому что казахи нас дразнили «нагайбаками», за то, что мы, якобы, веру меняли» ⁴⁸.

Сегодня жителей пос. Подгорный называют «подгорнинскими нагайбаками», – это прозвище они получили от своих соседей из с. Ильинка. Вероятно, оно произошло из истории, когда после указа 1905 г. «О веротерпимости» нагайбаки пос. Подгорный не спешили со сменой веры. Местные жители знают три рода нагайбаков пос. Подгорный – Ряховских, Федоровых и Гафуровых, однако все их потомки отрицают свою связь с нагайбаками. Так, Хапулла Гафуров заявил, что «нагайбаки меня не касаются, я – чистый татарин» ⁴⁹. Тем не менее, татары делятся историями о своей православной родне: «Моя прапрабабушка Наташа так и не перешла обратно [в мусульманство – С.Б.], она сказала, когда я умру, похоронит меня на русском кладбище. Она себя называла “крещен”».

О связи нынешних татар указанных посёлков с нагайбаками говорят схожие поминальные обычаи; например, татары проводят «ашлар», обеды для усопших в с. Ильинка и пос. Подгорном называют «Аш биреу». Местная жительница призналась, что она посещает как мечеть, так и церковь, «в тайне молится иконке Николая Чудотворца». Тем не менее, сегодня в южной группе нет ни одного человека, который считал бы себя нагайбаком. Местные татары рассказывают легенды о «последних» нагайбакских семьях. По словам старожилов Алабайтала, последние две семьи нагайбаков умерли в голодный 1921 год⁵⁰. По сообщению жителей пос. Ильинский, у них «все нагайбаки уже перевелись». В пос. Нежинка рассказывают о некоей Татьяне Черневой – последней нагайбачке посёлка. В пос. Подгорном смогли вспомнить только умершего 15 лет назад Алексея Ряховского, который считал и называл себя нагайбаком. Нынешние татары уже сами не особенно верят тому, что в их селе-ния когда-либо переселяли нагайбаков: в их восприятии это скорее миф, чем историческая реальность.

* * *

Миссионерская деятельность православных и мусульманских проповедников оказалась ключевой в последующем самоопределении нагайбаков. При конструировании религиозного самосознания у нагайбаков сложилось особенное понимание себя и своей веры. Северная группа, не испытывавшая на себе значительного влияния миссионеров обеих религий, сегодня считается формально православной. Благодаря успешным действиям поборников ислама, южная группа поменяла не только свои религиозные мировоззрения, но и этническую идентичность. Наконец, центральная группа, испытывавшая влияние со стороны православных миссионеров, укрепила не только свою религиозность, но и этническое самосознание.

Библиографический список

1. Бектеева, Е.А. Нагайбаки (Крещёные татары Оренбургской губернии) / Е.А. Бектеева // Живая старина. – СПб., 1902. – С. 165–181.
2. Белоруссова, С.Ю. Траектория этничности нагайбаков / С.Ю. Белоруссова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 24 (379). – С. 17–24.
3. ГАОО. Ф. 6. Оп. 15. Д. 1085. Л. 4 об.
4. ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6619. Л. 150.
5. ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л. 19 об.
6. ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 140. Л. 1–15 об.
7. Емекеев, С. Ногайбаки / С. Емекеев // ОЕВ. – 1902. – № 21. Ч. неоф. – С. 764–768.
8. Лысенко, Ю.А. Оренбургский епархиальный комитет православного миссионерского общества: попытка организации миссионерства в крае (1875–1917 гг.) / Ю.А. Лысенко // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4–2. – С. 126–134.
9. Львов, П. Краткий очерк поездки по епархии Его Преосвященства, Преосвященнейшего Макария, Епископа Оренбургского и Уральского в 1887 года / П. Львов // ОЕВ. – 1887. – № 17. Ч. неоф. – С. 718–726.
10. Миссионерская деятельность в инородческих приходах. Сведения о религиозном состоянии нагайбаков за 1906 год // ОЕВ. – 1907. – № 43. Ч. оф. – С. 289–294.
11. Отчет о деятельности Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1887 год // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1888. – № 10. Ч. оф. – С. 275–284.
12. Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1901 год // ОЕВ. – 1902. – № 16. Ч. оф. – С. 240–266.
13. Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1905 год // ОЕВ. – 1906. – № 21. Ч. оф. – С. 428–435.
14. Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1907 год // ОЕВ. – 1908. – № 43. Ч. оф. – С. 324–336.
15. Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1909 год // ОЕВ. – 1910. – № 30. Ч. оф. – С. 238–246.
16. Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1911 год // ОЕВ. – 1912. – № 36–37. Ч. оф. – С. 390–398.
17. Полевые материалы автора. Челябинская обл., Нагайбакский район, пос. Кассельский, декабрь, 2015.

18. ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский район, с. Фершампенуаз, Париж, пос. Кассельский, Остроленский, август, 2012.
19. ПМА. Оренбургская область, Оренбургский район, пос. Нежинка, ноябрь, 2014.
20. ПМА. Оренбургская область, Орский район, с. Ильинка, Подгорное, июль, 2016.
21. Тимофеев, В.Т. Миссионерское путешествие по инородческим приходам Оренбургской епархии / В.Т. Тимофеев // ОЕВ. – 1890. – № 5. Ч. оф. – С. 160–167.
22. Хасанова, Р. Алабайтал. Страницы истории / Р. Хасанова. – Оренбург, 2012. – 228 с.
23. Чернавский, Н. Архипастырская миссионерская инструкция 1856 г. для священников Новолинейного район Оренбургской епархии / Н. Чернавский // ОЕВ. – 1899. – № 6. Ч. неоф. – С. 230–239.

¹ См.: Белоруссова С.Ю. Траектория этничности нагайбаков // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 24 (379). С. 17–24.

² Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 15. Д. 1085. Л. 4 об.

³ Чернавский Н. Архипастырская миссионерская инструкция 1856 г. для священников Новолинейного район Оренбургской епархии // Оренбургские Епархиальные Ведомости. 1899. № 6. Ч. неоф. С. 230.

⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6619. Л. 150.

⁵ Емекеев С. Ногайбаки // ОЕВ. 1902. № 21. Ч. неоф. С. 767.

⁶ Там же. С. 765.

⁷ Лысенко Ю.А. Оренбургский епархиальный комитет православного миссионерского общества: попытка организации миссионерства в крае (1875–1917 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–2. С. 126.

⁸ Отчет о деятельности Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1887 год // ОЕВ. 1888. № 10. Ч. оф. С. 278.

⁹ Емекеев С. Ногайбаки // ОЕВ. 1902. № 21. Ч. неоф. С. 766.

¹⁰ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1901 год // ОЕВ. 1902. № 16. Ч. оф. С. 185.

¹¹ Отчет о деятельности Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1887 год // ОЕВ. 1888. № 10. С. 278.

¹² Емекеев С. Ногайбаки // ОЕВ. 1902. № 21. Ч. неоф. С. 766.

¹³ Миссионерская деятельность в инородческих приходах. Сведения о религиозном состоянии нагайбаков за 1906 год // ОЕВ. 1907. № 43. Ч. оф. С. 292.

¹⁴ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1905 год // ОЕВ. 1906. № 21. Ч. оф. С. 432.

¹⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 140. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 12 об.

¹⁷ Там же. Л. 15 об.

¹⁸ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1905 год // ОЕВ. 1906. № 21. С. 430.

¹⁹ Миссионерская деятельность в инородческих приходах. Сведения о религиозном состоянии нагайбаков за 1906 год // ОЕВ. 1907. № 43. С. 290.

²⁰ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1905 год // ОЕВ. 1906. № 21. 428–429.

²¹ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1908 год // ОЕВ. 1909. № 48. Ч. оф. С. 405.

²² Миссионерская деятельность в инородческих приходах. Сведения о религиозном состоянии нагайбаков за 1906 год // ОЕВ. 1907. № 43. С. 292.

²³ Там же. С. 289.

²⁴ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1909 год // ОЕВ. 1910. № 30. С. 238.

²⁵ Миссионерская деятельность в инородческих приходах. Сведения о религиозном состоянии нагайбаков за 1906 год // ОЕВ. 1907. № 43. С. 292.

²⁶ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1909 год // ОЕВ. 1910. № 30. С. 239.

²⁷ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1907 год // ОЕВ. 1908. № 43. С. 332.

²⁸ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1905 год // ОЕВ. 1906. № 21. С. 430.

²⁹ Там же.

³⁰ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1907 год // ОЕВ. 1908. № 43. С. 331.

³¹ Миссионерская деятельность... за 1906 год // ОЕВ. 1907. № 43. С. 290.

³² Там же.

³³ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1907 год // ОЕВ. 1908. № 43. С. 332.

- ³⁴ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1911 год // ОЕВ. 1912. № 36–37. С. 395.
- ³⁵ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1905 год // ОЕВ. 1906. № 21. С. 430.
- ³⁶ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1908 год // ОЕВ. 1909. № 48. С. 404.
- ³⁷ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1909 год // ОЕВ. 1910. № 30. С. 240.
- ³⁸ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1911 год // ОЕВ. 1912. № 36–37. С. 395.
- ³⁹ Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1908 год // ОЕВ. 1909. № 48. С. 405.
- ⁴⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 10. Д. 104. Л. 19 об.
- ⁴¹ Львов П. Краткий очерк поездки по епархии Его Преосвященства, Преосвященнейшего Макария, Епископа Оренбургского и Уральского в 1887 года // ОЕВ. 1887. № 17. Ч. неоф. С. 724.
- ⁴² Тимофеев В. Т. Миссионерское путешествие по инородческим приходам Оренбургской епархии // ОЕВ. 1890. № 5. Ч. оф., С. 161–162.
- ⁴³ Бектева Е. А. Нагайбаки (Крещёные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. СПб., 1902. С. 178.
- ⁴⁴ Полевые материалы автора. Челябинская обл., Нагайбакский район, пос. Кассельский, декабрь, 2015.
- ⁴⁵ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский район, с. Фершампенуаз, Париж, август, 2012.
- ⁴⁶ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский район, пос. Кассельский, август, 2012 г.
- ⁴⁷ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский район, август, 2012 г.
- ⁴⁸ ПМА. Оренбургская область, Оренбургский район, пос. Нежинка, ноябрь, 2014.
- ⁴⁹ ПМА. Оренбургская область, Орский район, с. Ильинка, Подгорное, июль, 2016.
- ⁵⁰ См.: Хасанова Р. Алабайтал. Страницы истории. Оренбург, 2012.

References

1. Belorussova S. Yu. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. Chelyabinsk, 2015, no. 24 (379), pp. 17–24.
2. *GAOO* [State Archive of Orenburg Oblast]. Fund 6, inventory 15, file 1085, fol. 4 v.
3. Chernavskiy N. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1899, no. 6, p. 230.
4. *GAOO* [State Archive of Orenburg Oblast]. Fund 173, inventory 4, file 6619, fol. 150 v.
5. Emekeev S. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1902, no. 21, p. 767.
6. Emekeev S. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1902, no. 21, p. 767.
7. Lysenko Yu. A. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altai State University]. Barnaul, 2009, no. 4-2, p. 126.
8. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1888, no. 10, p. 278.
9. Emekeev S. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1902, no. 21, p. 766.
10. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1902, no. 16, p. 185.
11. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1888, no. 10, p. 278.
12. Emekeev S. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1902, no. 21, p. 766.
13. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1907, no. 43, p. 292.
14. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1906, no. 21, p. 432.
15. *GAOO* [State Archive of Orenburg Oblast]. Fund 173, inventory 10, file 140, fol. 3.
16. *GAOO* [State Archive of Orenburg Oblast]. Fund 173, inventory 10, file 140, fol. 12 v.
17. *GAOO* [State Archive of Orenburg Oblast]. Fund 173, inventory 10, file 140, fol. 15 v.
18. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1906, no. 21, p. 430.
19. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1907, no. 43, p. 290.
20. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1906, no. 21, pp. 428–429.
21. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1909, no. 48, p. 405.

22. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1907, no. 43, p. 292.
23. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1907, no. 43, p. 289.
24. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1910, no. 30, p. 238.
25. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1907, no. 43, p. 292.
26. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1910, no. 30, p. 239.
27. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1908, no. 48, p. 332.
28. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1906, no. 21, p. 430.
29. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1906, no. 21, p. 430.
30. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1908, no. 43, p. 331.
31. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1907, no. 43, p. 290.
32. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1907, no. 43, p. 290.
33. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1908, no. 43, p. 332.
34. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1912, no. 36–37, p. 395.
35. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1906, no. 21, p. 430.
36. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1909, no. 48, p. 404.
37. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1910, no. 30, p. 240.
38. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1912, no. 36–37, p. 395.
39. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1909, no. 48, p. 405.
40. *GAOO* [State Archive of Orenburg Oblast]. Fund 173, inventory 10, file 104, fol. 19 v.
41. L'vov P. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1887, no. 17, p. 724.
42. Timofeev V.T. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Orenburg Diocesan Newsletter]. Orenburg, 1890, no. 5, pp. 161–162.
43. Bekteeva E.A. *Zhivaya starina* [Living Antiquity]. Saint Petersburg, 1902, p. 178.
44. Khasanova R. *Alabaytal. Stranitsy istorii* [Alabaytal. Chapters of History]. Orenburg, 2012, 228 p.